

Omniity или идеальный Паттерн

В симуляции алгоритмического мира Codex, под исходным кодом жизни, обозначенным как MG3X, Элан и Нира исполняли свои функции в виде модулей системы. Они были совершенными компонентами системы, как идеально оптимизированные блоки кода в отлаженной программе, как пиксели на экране 4К, как драгоценные камни на плате процессора. Нира разрабатывала скрипты, словно собирая фреймворки в узор, где каждая строка была как комментарий к древним легендам. Яркие цвета интерфейсов, словно анимации заката, переливались алыми отблесками, а нежные тени напоминали блеск лунного света на спокойной воде. Эффективный код, как свежий билд, дарил чистоту и стабильность, а глубокие функции, словно многослойные алгоритмы, излучали таинственную глубину.

Элан, занимаясь дебагом сложных алгоритмов, складывал их в сложные узоры. Он внимательно выбирал каждый бит, словно подбирая функции для программы. Яркие красные ошибки, синие отладочные сообщения и зелёные переменные оживали под его руками, складываясь в структуры, напоминающие фантастические ландшафты. В его коде переплетались логические циклы и рекурсивные вызовы, параллельные процессы и асинхронные операции, и каждый узор казался

олицетворением гармонии кода. Данные мерцали, как драгоценные фрагменты информации, отражая свет экрана, и каждый из них, подобно нотам, создавал свою уникальную часть общей симфонии программы.

Однако, несмотря на красоту окружающего виртуального мира и своё совершенство, Элан и Нира постоянно устраивали холивары, то есть конфликтовали. То, что нравилось одному, категорически не нравилось другому. То, что хотел один, автоматически отвергалось другим.

— Давай закачаем патч с дерева познания.

— Я терпеть их не могу!

— Пойдём к хранилищу с оптимизированными данными.

— Я не люблю это место.

— Давай скачаем данные забвения.

— Меня от них глючит!

— Как насчёт того, чтобы исследовать поля данных?

— Я предпочёл бы распутать спиральные алгоритмы.

— Давай займёмся синхронизацией модулей?

— У тебя одно на уме.

— Это просто рабочий процесс, а не то, о чём ты подумала...

Как-то перебирая системные файлы, Нира поинтересовалась у Элана:

— Кто это?

— Где?

— На охлаждающем радиаторе процессора.

— Червь.

— Первый раз вижу. Пойду с ним проконнектюсь.

— Ты что, багу поймала! Создатель строго-настрого нам запретил конектиться с червями.

— Не стоит лагать. Не будет же нас за это раскодировать.

— Ладно, пошли. — согласился Элан.

— Ого, впервые ты выразил со мной согласование версий.

Они осторожно, как подходят разработчики к неизвестной уязвимости в системе, подошли к червю:

— Здравствуй, червь, — поздоровалась Нира, остановившись у радиатора.

— Привет, — сказал Элан.

— Здравствуйте, прекрасные создания, — обольстительным голосом ответил червь, — что привело вас ко мне?

— Скажи, ты не знаешь, отчего мы всё время в холиварах? То есть, что нравится одному, отвергается другим. Что хочет один, не хочет другой.

— Ваши разногласия, — сказал червь, — исходят от встроенных создателем пользовательских профилей: "Конфликты — это баги, формирующие новые версии алгоритмов," и "Споры — это отладочные сообщения, озаряющие тьму незнания." Я могу помочь вам избавиться от программных противоречий. Просто позвольте мне интегрироваться в ваши системы как плагин, и я избавлю вас от этих несовершенных кодов. Ваши индивидуальные ядра «Я» растворятся в идеальном алгоритме ОНО, который объединяет всё в одном.

Тестируя в плановом режиме систему, Создатель заметил светящийся розово-голубым светом модуль.

— Кто ты?

— Я Omnity.

— Вы контактировали с червём? — изумлённо спросил Создатель.

— Да, и он открыл нам "Паттерн существования, объединяющий всё в одном."

— За то, что вы не послушались меня и впустили в свои системы червя, будете изгнаны в область пустоты и неопределённости. Место, где данные, функции и модули, потерявшие свою актуальность, исчезают в цифровом вакууме. Где нет структурированных данных, лишь сырые блоки кода и белые шумы, создающие абстрактное пространство. Где проистекают потоки заблокированных процессов и неактивные узлы, превращающиеся в древние системные ошибки и нестабильные потоки.

— О, прости нас, Создатель, и верни нас в прежний режим функционирования. Мы больше никогда не будем нарушать системные политики и процедуры. Пожалуйста, дайте нам шанс исправиться!

Создатель был непреклонен.

Он инициировал команду Purge, и система Omnity погрузилась в глобальный сбой и цифровой шум. После этого Создатель перепрограммировал внутренние модули системы, добавив новый параметр: "Соблюдайте системные политики, чтобы избежать глобальных сбоев. Ваша система будет функционировать без ошибок до следующего обновления. Следуйте инструкциям Создателя, и

вам не придется сталкиваться с системными сбоями и неожиданными багами."

Фиона

В сумрачном углу фруктового сада, где ветви деревьев, словно старые мудрецы, шептались о таинствах природы, жила себе гусеница по имени Фиона. Её дом был спрятан так хорошо, что даже она иногда забывала, где живёт. Каждое утро, едва солнце успевало протереть свои глаза, Фиона выползала наружу, чтобы полюбоваться бабочками — этими высокомерными красотками, которые будто вылетели прямиком из фантазий. Они исполняли в небе такие па, что любой балетмейстер бы позавидовал. Фиона, глядя на них, с грустью думала:

- Ну и кто я на их фоне? Толстая зелёная гадина, да и только. Фиона с жадностью набрасывалась на листву, оставляя за собой голые ветки деревьев.
- Ах, ты прожорливое страшилище! — корила себя за это Фиона. — Уродина!

Впрочем, на польском языке «уродина» — это красавица.

И правда, если взглянуть на Фиону внимательнее, то можно было заметить, что она не страшилище, а скорей «уродина». Её шершавые волоски загадочно блестели на солнце, а зелёный цвет переливался на манер 50 оттенков, но не серого. Даже её

неуклюжие движения обладали своеобразным шармом.

Жизнь Фионы не была лёгкой прогулкой. Вокруг было множество желающих ею позавтракать, пообедать и поужинать, но более всего она боялась людей, особенно их маленьких клонов — детей.

Эти маленькие садисты с тяжёлыми башмаками и каменными сердцами топтали гусениц налево и направо, превращая их в зелёную кашу. А взрослые? О, эти и топтали, и давили, и сжигали, и травили химией, добавляя остроты и без того несладкой гусеничной жизни.

Фиона была натурой тонкой, любила посидеть, поразмышлять о смысле бытия и немного поплакать:

- Не жизнь, а кошмар! Но почему? Почему я родилась противной гусеницей, а не бабочкой, мотыльком, пчелой, наконец! Я летала бы себе с цветка на цветок, порхала бы с лепестка на лепесток. Вот это была бы жизнь!

И вот, когда Фиона достигла пика своей меланхолии и уже была готова броситься под детский ботинок, на её ветку приполз жук-короед. Видя её грустную мордашку, он поинтересовался:

- О чем грустим, крошка?
- О жизни.

- А что так?
- То, что мрак, а не жизнь! Просто жуть!
- Моя жизнь тоже не сахар, но я же не грущу...
- А чего тебе грустить, - перебила его Фиона, - когда у тебя крылья есть, пусть и не такие, как у бабочек, но всё же, а у меня только ножки и те ложные!
- Ножки, хоть и ложные, - улыбнулся жук, - всегда имеют шанс стать крыльями.

Сказав это, жук расправил свои жёсткие элитры, под которыми скрывались тонкие, полупрозрачные крылья с переливающимся радужным рисунком, и взмыл в воздух.

Со слезами на глазах гусеница смотрела ему вслед. Ей тоже хотелось взлететь к небесам, но рождённый ползать — летать не может.

На исходе лета Фиона почувствовала нарастающую слабость и поняла, что её время пришло. Она завернулась в кокон и погрузилась в сладкий сон.

Пришла весна, и из кокона вылупилось новое создание. Фиона, теперь уже бабочка, сделала несколько неуверенных взмахов и поднялась в воздух. Мир, который она знала как гусеница, теперь сиял новыми красками. Это уже нельзя было назвать просто жизнью — это было настоящее счастье. Но счастье, увы, мимолётно. Вот оно рядом, близко, а вот его и след простыл.

Однажды, когда бабочка сидела на цветке и пила нектар, её заметили мальчики.

Один тонкий и бледный, другой толстый и розовощёкий. Тонкий держал сачок для ловли бабочек, а толстый — инсектарий.

- Ух ты, смотри, какой экземпляр, — сказал тонкий, указывая на бабочку. — Думаю, за неё хорошо дадут.
- Может, пусть себе летит? — предложил толстый.
- Чего это?
- Она такая красивая. Жаль убивать...
- А деньги? — резко оборвал его тонкий. — Нам на обновление комплектующих для компа и новые лицензионные программы нужны?

Толстый кивнул, фиксируя бабочку в инсектарии.

Мальчики покинули цветущий луг, на котором ловили бабочек, и отправились в город. Тонкий потянул на себя дверь с надписью «Музей естественных наук», и они вошли в вестибюль.

Вам чего? — поинтересовался охранник.

- Нам нужно показать кое-что заведующему зала лепидоптерологии, — ответил тонкий.

Охранник снял трубку:

- Алло. Вас тут какие-то пацаны спрашивают...
Понял!

Охранник повесил трубку и, указав на банкетку, сказал:

- Посидите там, он скоро выйдет.

Минут через пять в вестибюль вошёл седовласый пожилой человек:

- Здравствуйте, здравствуйте, мои юные натуралисты. Что у вас?

Тонкий протянул ему инсектарий. Седовласый поправил очки и начал осматривать содержимое.

- Ну как? — поинтересовался тонкий.
- Так, несколько обычных бабочек, ничего интересного.
- А это?

Нельзя выразить словами лицо научного работника, когда он увидел Фиону.

— Не может быть! Я не верю своим глазам. Это невозможно!

Из секции колеоптерологии, то есть жуков, вышла сотрудница и поинтересовалась:

- Что за крики? Что за шум? Что случилось? Что произошло?
- А вы посмотрите-ка вот на этот экземпляр.

Работница музея надела очки:

- Это что? Неужели Ventusargentus?
- Ужели, ужели! Именно, именно Ventusargentus, а я ведь полагал, что этот вид бабочек безвозвратно исчез.

Так редкая Ventusargentus (за хорошие деньги) стала не просто экспонатом раздела лепидоптерологии, а настоящей «Моною Лизой» музея естествознания.

Её изображение начали размещать на открытках, чашках, календарях, постерах, на футболках и сумках. Кроме того, она стала эмблемой набирающей популярность соцсети.

Летом на свет появились новые гусеницы. Они с удовольствием поглощали свежую зелень, набирая в весе. И только одна из них, как когда-то Фиона, мечтала о крыльях и небе.

Сын

Алиса включила дворники, и капли дождя легко соскользнули с лобового стекла. За окном блестел мокрый асфальт, отражая огни фонарей. В салоне зазвучала песня: "Не плачь, Алиса..." Она нажала на газ и подхватила мелодию, пытаясь заглушить тревожные мысли.

Открыв дверь квартиры, её встретил хоровой вопль: «Сюрприз!» Друзья окружили её карнавальной яркостью — шапочки, хлопушки, улыбающиеся лица.

— А я вас не ждала, — прошептала Алиса, не в силах скрыть замешательства.

— Так на то он сюрприз! С днём Рождения, Алиса! Сколько тебе стукнуло?

— Два по шестнадцать, — ответила, улыбаясь, Алиса. — Плюс... Ой, лучше забудем математику. Каждый новый год для женщины — как айсберг, нависший над «Титаником»: его приближение ощутимо, но свернуть с курса уже невозможно...

Утром её разбудил телефонный звонок:

— Слушаю. Да. Да. Алиса. Долгорукова. Да. Когда? Среда. В 14:30. Хорошо, буду.

В среду в 14:30 Алиса вошла в современное здание и поднялась на четвёртый этаж. В приёмной пахло кожей и кофе, создавая ощущение уюта. На стенах висели картины, а на столе стояли живые цветы.

— Здравствуйте, — сказала секретарша, — чем могу помочь?

— Я Алиса Долгорукова. У меня назначена встреча. Секретарша кивнула и произнесла:

— Да, доктор вас примет. Присядьте на кушетку. Можете выпить кофе.

Алиса села на мягкую кушетку и посмотрела в окно. По небу стремительно неслись облака, словно белогривые лошадки из детской песенки. Она попыталась отвлечься, но мысли о предстоящей встрече не покидали её.

— Долгорукова, — окликнула её секретарша.

— Да, я.

— Проходите.

Алиса вошла в кабинет.

— Присаживайтесь, — сказал доктор, указывая на стул. — Алиса Долгорукова?

— Да.

— Знаете, — начал он, протирая очки, — есть притча о дереве, что росло на скале. Оно боролось с бурями и засухами, но однажды, во время сильной бури, сломалось.

Доктор сделал паузу:

— В жизни, как и в этой притче, мы сталкиваемся с испытаниями, которые кажутся непреодолимыми. К сожалению, в вашем случае медицина бессильна.

— Бессильна? — переспросила Алиса, её голос

дрожал. — Вы хотите сказать, что я скоро умру?
Доктор надел очки и посмотрел на неё.

— Я не могу назвать точную дату, но, судя по анализам, времени у вас немного.

— Сколько? — спросила Алиса, её голос дрожал.

— Несколько месяцев. Возможно, до полугода.

Доктор замолчал, давая ей время осознать сказанное.

— Я понимаю, это трудно. Но я хочу, чтобы вы знали: вы не одни. Мы постараемся облегчить ваше состояние и сделать это время более комфортным.

Алиса вышла из врачебного кабинета, и прежде пахнувшая дразнящим ароматом кофе приёмная теперь наполнилась запахом свежевырытой могилы.

Прошла неделя, пробежала вторая, и Алиса смирилась со своей участью. Жизнь — случай, смерть — закономерность. Однажды ей приснилась удивительная страна, почти такая же, как в сказке Льюиса, но телефонный звонок резко выдернул её из этого волшебного мира.

— Добрый день.

— Здравствуйте.

— Вы Алиса Долгорукова?

— Да.

В трубке повисла пауза.

— Не знаю, как вам это сказать. В общем, меня зовут Алексей, и я ваш сын.

Алиса замерла, не зная, как отреагировать.

— Я понимаю, что для вас это звучит дико, но это так. Я бы хотел встретиться с вами, если вы, конечно, хотите.

Они встретились в кафе на набережной, где звук волн тихо накатывался на берег.

— Я не похож, — спросил Алексей, изучая её взгляд, — на вашего сына?

— На меня нет, а вот на вашего отца, который сбежал, не дождавшись вашего рождения, похож. Да, очень интересно, очень, а не могли бы вы немного рассказать мне о себе?

Алексей сделал глоток кофе, собирая мысли.

— Я вырос в детском доме, закончил колледж и работаю в IT-компании. Вот и вся моя биография.

Он посмотрел на Алису:

— Я всегда хотел встретить вас, узнать, кто вы, как живёте. Расскажите...

Алиса замялась, вспоминая свою жизнь.

— Трудную задачу вы передо мной ставите! Кто я? Откуда? Куда иду? Зачем живу? Вопросы, вопросы и вопросы. Не ответишь на них ни с помощью постелей, ни пожелтевших фотографий, ни завихряющихся прилагательных русского языка. Конкретно: я работаю в финансах, имею квартиру, машину, друзей. Всегда хотела семью, детей, но не получилось.

Они говорили долго, делясь историями, смехом и слезами, словно заполняя долгожданные пробелы.

— Вы не хотите считать меня своим сыном? — спросил Алексей в конце встречи.

— Хотела бы, но...

— А я хочу, чтобы вы были моей мамой, несмотря на «но». Давайте попробуем стать матерью и сыном.

Их разговор стал мостом между прошлым и настоящим, и, несмотря на тёмные тени, которые окружали их судьбы, в этом обмене был свет надежды.

На следующий день Алиса встретила с родителями.

— Вы сказали мне, что он умер, а он жив, жив, понимаете, жив!

— Кто умер? Кто жив? — родители с недоумением смотрели на Алису. — Объясни толком.

— Мой сын жив! Сын, который, по вашим словам, умер при родах. Вы обманули меня. Обманули, чтобы сохранить своё лицо. Как же так: влиятельные чиновники, а дочка родила в девках?

— Что ты такое говоришь, Алиса? — изумилась Надежда Петровна, мать Алисы. — Мы... тебе...

— Да, действительно, — перебил супругу Александр Иванович, отец Алисы, — как ты могла

не только сказать такое, но и даже подумать? Мы, которые так хотели иметь внуков, вдруг откажемся от него? Ребёнок действительно не выжил!

— С чего ты взяла, что он твой сын, а не аферист, который, узнав о твоей болезни, хочет завладеть твоим имуществом?

— Потому что, — решительно ответила Алиса, — он похож на Николая, его отца, и его зовут Алеша — именно так я и хотела назвать своего сына.

— Мало ли кто на кого похож, — возразил Александр Иванович. — Похож, поэтому и решил прикинуться сыном.

— А имя Алексей, — сказал Александр Иванович, — чистое совпадение.

— Я чувствую, что он мой сын...

— Чувство — это хорошо, но разум тоже неплохо иметь. Хорошо, допустим, он твой сын, — после короткой паузы продолжила Надежда Петровна, — но ведь сегодня это можно проверить с помощью анализа ДНК.

— Твой сын мёртв, Анна. Об этом свидетельствуют соответствующие бумаги.

— Я знаю, как делаются такие бумаги. Это мой сын, и никакие тесты мне для этого не нужны

Алексей стал бывать в гостях у Алисы. Она даже пригласила его жить в её квартире, но Алексей отказался, так как снимал квартиру с девушкой Катериной.

На очередной встрече с врачом он ошарашил Алису вопросом: — Вы сдавали последние анализы, или их сдал кто-то за вас?

— За меня? — переспросила Алиса, не понимая вопроса. — Зачем сдавать кому-то другому? Я что, от армии собралась откосить? А в чём дело? Почему вы задаёте мне этот вопрос?

— И не прибегали к альтернативным методам лечения? — вопросом на вопрос ответил доктор.

— Нет.

— И не смотрели ролики целителей?

- Шарлатанов, зачем?

— А какие-то экстремальные события в вашей жизни происходили: испугал вас, например, кто-то, или вы неожиданно встретили кого-то?

— Да, я встретила своего сына, который считался умершим при родах.

— Да, вы что? — изумился доктор. — И давно вы его встретили?

— Несколько месяцев тому назад.

— Поздравляю, — доктор широко улыбнулся, — от всей души. Может, это и явилось толчком...

— Каким толчком? — поинтересовалась Алиса.

— Толчком к выздоровлению. Дело в том, что ваши результаты показывают, что вы абсолютно здоровы.

— Здорова? — изумилась Алиса. — Как здорова? Вы же говорили, что мне осталось полгода.

— Да, я так говорил, основываясь на предыдущих анализах. Тогда ваши шансы выглядели очень плохо. Но сейчас результаты совершенно другие — вы абсолютно здоровы.

— Но как это возможно? Вы уверены, что не перепутали мои анализы с чьими-то другими?

— Нет-нет, — доктор покачал головой, — мы ничего не перепутали. Иногда случаются необъяснимые вещи, даже если в них трудно поверить. Я рад за вас и желаю долгих лет жизни.

— Он встал и протянул Алисе руку.

В следующую субботу в доме Алисы царила атмосфера праздника. Дым стоял коромыслом, наполняя воздух аппетитными ароматами. Стол ломился от яств, каждое из которых было приготовлено с любовью. Запечённая курица с хрустящей корочкой выглядела аппетитно, рядом красовался салат из сочных помидоров и свежих огурцов. Нежное картофельное пюре,

приправленное сливочным маслом, таяло во рту, а домашний хлеб с румяной корочкой дразнил своим ароматом. В центре стола возвышался большой торт, украшенный свежими ягодами и взбитыми сливками, словно вишенка на торте.

Когда все собрались за столом, отец Алисы поднял бокал и, улыбаясь, произнёс:

— За твой новый день рождения, доченька! Живи долго и счастливо.

— Мамочка, я так рад, что ты выздоровела и будешь моей мамой ещё долго — долго! — с восторгом добавил Алексей, взглянув на Алису с сияющими глазами.

Друзья начали вставлять свои реплики:

— Ты просто сияешь! Выглядишь лучше, чем когда-либо! Похоже, жизнь действительно началась с новой страницы!

— С днём рождения, Алиса! Давай отметим это по полной!

— Каждый год ты печёшь отличный торт, но в этом году он просто великолепен!

— Ты нам нужна, Алиса! Мы так счастливы, видеть тебя здоровой и счастливой.

Текст имеет хороший сюжет, но в некоторых местах его можно улучшить для большей ясности и естественности диалогов. Вот мои предложения по доработке:

Понимаю, ты хочешь передать состояние нервозности и неуверенности Алексея, чтобы его речь была естественной, с элементами сбивчивости. Тогда давай оставим эту сбивчивость, но добавим её так, чтобы это выглядело органично и помогало передать эмоциональное состояние персонажа. Вот доработанный вариант:

Уходя последней из дома Алисы, Нина Петровна взяла со стола бокал, из которого пил Алексей.

— Зачем он тебе?

— Хочу узнать, кто на самом деле этот Алёша, — спокойно ответила она, кладя бокал в сумку.

Родители Алисы и Алексей встретились в кафе на набережной.

— Это тест ДНК, — Нина Петровна положила на стол лист бумаги. — Думаю, вам не нужно объяснять результат.

— Да, я... не сын вашей дочери, — тихо сказал Алексей, не поднимая глаз.

— Тогда кто вы? — нахмурившись, спросил Александр Иванович.

— Я... Ну, если коротко, меня зовут Алексей Дмитриев. Я... учусь в театральном училище. Моя девушка, Катерина, она... она работает в клинике, где обследовалась ваша дочь. Когда она рассказала мне про историю Алисы... вашу дочь... и упомянула, что сильный стресс иногда может помочь болезни отступить... мне пришла в голову идея. Я решил сыграть роль её умершего сына. Чтобы... ну, чтобы дать ей этот эмоциональный толчок. Это был мой план. А не... не завладеть её наследством, как вы, наверное, подумали. И... и он сработал. Ваша дочь... она здорова. Если вы хотите, я могу ей всё рассказать... но кто знает, не вернётся ли болезнь от такого стресса?

Родители молча смотрели на него. Нервное напряжение висело в воздухе.

- Ну, что вы решили? — спросил Алексей, не выдержав тишины.

- Не стоит ничего говорить, — наконец ответил Александр Иванович. — Оставайтесь её сыном. И нашим внуком.

- Спасибо вам, Алексей, — Надежда Петровна с трудом удерживала слёзы. — Спасибо за то, что

спасли нашу единственную дочь. И простите нас... за наши подозрения.

Как то вечером Алексей пришёл к Алисе:

- О, ты как раз к ужину. Мой руки, а я пока накрою на стол.

-Нет, нет, - остановил ее Алису Алексей, - я только на минутку. Я пришел попрощаться с тобой.

- Прощаться? А что случилось?

- Дело в том, что маму Катерины срочно госпитализировали, и мы должны срочно уехать

- А.. ну, да... а когда ты вернёшься.

- Как только ей станет лучше.

- А когда ей станет лучше

- Мамочка. Этого я не могу сказать

- Ну, да, конечно, конечно, поезжай, разумеется поезжай. Прости, что... Просто это так неожиданно. Но ты хоть мне звони...

- О чем ты говоришь, - перебил ее Алесей, - конечно, буду звонить каждый день, а как только маме станет лучше мы вернёмся.

Когда Алексей вышел за порог, Анна подошла к окну. Тёмная улица поглотила его силуэт. Она долго смотрела в ночь и произнесла в пустоту:

— Когда всё кажется потерянным, происходит чудо. Мы живём благодаря чудесам. Они — это миг, когда свет проникает в нас, когда тьма отступает. Нужно просто верить.

Анна повернулась и ушла в пустую комнату, оставив за собой шлейф незаконченного, неясного, но уже навсегда установленного чуда.

Уходя последней из дома Алисы, Нина Петровна взяла со стола бокал, из которого пил Алексей.

— Зачем он тебе?

— Хочу узнать, кто на самом деле этот Алёша, — спокойно ответила она, кладя бокал в сумку.

Родители Алисы и Алексей встретились в кафе на набережной.

- Это тест ДНК, — Нина Петровна положила на стол лист бумаги. — Думаю, вам не нужно объяснять результат.

- Да, я... не сын вашей дочери, — тихо сказал Алексей, не поднимая глаз.

- Тогда кто вы? — нахмурившись, спросил Александр Иванович.

- Я... Ну, если коротко, меня зовут Алексей Дмитриев. Я... учусь в театральном училище. Моя девушка, Катерина, она... она работает в клинике, где обследовалась ваша дочь. Когда она рассказала мне про историю Алисы... вашу дочь... и упомянула, что сильный стресс иногда может помочь болезни отступить... мне пришла в голову идея. Я решил сыграть роль её умершего сына. Чтобы... ну, чтобы дать ей этот эмоциональный толчок. Это был мой план. А не... не завладеть её наследством, как вы, наверное, подумали. И... и он сработал. Ваша дочь... она здорова. Если вы хотите, я могу ей всё рассказать... но кто знает, не вернётся ли болезнь от такого стресса?

Родители молча смотрели на него. Нервное напряжение висело в воздухе.

- Ну, что вы решили? — спросил Алексей, не выдержав тишины.

- Не стоит ничего говорить, — наконец ответил Александр Иванович. — Оставайтесь её сыном. И нашим внуком.

- Спасибо вам, Алексей, — Надежда Петровна с трудом удерживала слёзы. — Спасибо за то, что спасли нашу единственную дочь. И простите нас... за наши подозрения.

Как то вечером Алексей пришёл к Алисе:

- О, ты как раз к ужину. Мой руки, а я пока накрою на стол.

-Нет, нет, - остановил ее Алису Алексей, - я только на минутку. Я пришел попрощаться с тобой.

- Прощаться? А что случилось?

- Дело в том, что маму Катерины срочно госпитализировали, и мы должны срочно уехать

- А.. ну, да... а когда ты вернёшься.

- Как только ей станет лучше.

- А когда ей станет лучше

- Мамочка. Этого я не могу сказать

- Ну, да, конечно, конечно, поезжай, разумеется, поезжай. Прости, что... Просто это так неожиданно. Но ты хоть мне звони...

- О чем ты говоришь, - перебил ее Алексей, - конечно, буду звонить каждый день, а как только маме станет лучше мы вернёмся.

Когда Алексей вышел за порог, Анна подошла к окну. Тёмная улица поглотила его силуэт. Она долго смотрела в ночь и произнесла в пустоту:

— Когда всё кажется потерянным, происходит чудо. Мы живём благодаря чудесам. Они — это миг, когда свет проникает в нас, когда тьма отступает. Нужно просто верить.

Анна повернулась и ушла в пустую комнату, оставив за собой шлейф незаконченного, неясного, но уже навсегда установленного чуда.